

Светлана
НАРВАТОВА

ДЕЛО ЧЕСТИ

СЕМЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ ПРИНЦА

Светлана Нарватова

Дело Чести, или Семь дней из жизни принца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69135682

Дело чести:

Аннотация

Взгляд принцессы не соответствовал её деловому тону. Он словно ласкал моё лицо, иногда обегая тело, с несомненным восхищением. Я бы даже сказал, что Недотрога поедала меня взглядом, как любимое пирожное. Мысль мне понравилась.

– Согласен с вами.

– Я настаиваю, чтобы все обсуждения, которые имеют отношение к этому делу, велись только в моём присутствии.

Нет, такое откровенное внимание, несомненно, приятно, но и капелька сопротивления бы не повредила. Для разогрева.

– И вы, в свою очередь, обещаете не действовать в одиночку? – уточнил я.

– Разумеется. Я же понимаю, что это Дело Чести. Начнём с обвиняемого и обвинителя?

– Лучше с обвинителя и обвиняемого.

– Можно и в таком порядке. Удачного вечера, эрус Веранир, – она улыбнулась, и в уголках ее красиво очерченных губ появились ямочки, сообщавшие, что улыбается Кейлине часто.

...И больше за весь вечер Недотрога на меня ни разу не взглянула.

Содержание

Вместо пролога	5
День первый	9
День второй	19
День третий	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Нарватова

Дело чести

Вместо пролога

Мечты существуют для того, чтобы их разбивать. В этом смысл жизни любого правителя.

С утра я мечтал о том, чтобы спокойно отлежаться в теплой ванне, совершить набег на дворцовую кухню и винный погреб и провести день в тишине библиотеки... А в итоге внимаю в тронном зале венценосному братцу. Чтоб его, короля, темные боги любили. Особо замысловатым способом.

– Ранир, – обратился он ко мне, – ты помнишь Тагарда Карэдаса?

Я кивнул. Ничем не примечательный монир¹ из Департамента внешних сношений.

– Он собирается жениться... – многообещающим тоном начала Элияр.

Тоже мне, событие.

– Если это всё, то я пошел, – и развернулся в сторону выхода.

– Стоять!

¹ монир /мона – обращение к лицам благородного происхождения, эрус/эра – обращение к лицам королевской крови или приравненных к ним по положению.

– Стою. – Пришлось повернуться к брату. – Давай без пре-
дисловий и загадок. От меня тебе что нужно? Дать консуль-
тацию по первой брачной ночи?

– А у тебя есть опыт первой брачной ночи? – показатель-
но-удивленно задрал бровки Элияр.

– Нет. Но необходимые навыки имеются.

– Продолжаю: ...жениться на Ливинии Тойз. Из Астани.

– На единственной наследнице уганиевого прииска? –
Уганий – драгоценный минерал, и на всём материке его до-
бывали только в соседнем королевстве. - Поздравляю нас.
Новость, несомненно, приятная. Теперь-то я уже могу идти?

– ...В ожидании свадьбы, – как ни в чем не бывало про-
должал мой любезный братец, – жених находился в поместье
будущего тестя...

Последние слова братец растягивал с явным намёком.

– Логично. Приданое завидное, того и гляди, уведут, – со-
гласился я.

– ...И в это время у хозяев похитили семейную релик-
вию, – неожиданно закончил Элияр. – Которую нашли – уга-
дай где? – в покоях Тагарда.

– Вот придурок! Опять-таки, лечение душевных недугов
не по моей части.

– Он дал Клятву Чести, что не брал святыню и представ-
ления не имеет, как она у него оказалась.

Вот как... Карэдаc поклялся Клятвой Чести, что не брал
эту... святыню, как её там. Если не будет доказано, что это

правда, то клятвопреступник будет казнён. Поскольку в этом случае наш любезный Тагард будет считаться мониром без чести. А как же можно без неё жить? Чисто теоретически, конечно, можно. Но не благородному мониру. Точка. Я уже не говорю о том, что само существование бесчестного вассала ляжет пятном на репутацию сюзерена. Поэтому разбирательства по Делу Чести – та ещё болячка на неприличном месте.

– И кому как не главе Тайной Канцелярии заниматься исследованием? Во благо государства, – с выражением "ищейке – собачья жизнь" закончил Элияр.

– А давай, кому-нибудь другому, а? Я только вчера вернулся из Флаоры, где месяц спасал нашу шпионскую сеть. Которую подставило наше же посольство. И занимался этим во благо государства. То есть нашего семейства. И даже получил боевое ранение. А теперь я хочу отдохнуть. Хотя бы неделю отдыха я заслужил?

– По-моему, ты раздуваешь проблему из ничего. Подумаешь, удар по голове, – сморщился король. – У тебя же там всё равно сотрясаться нечему...

Элияру верить можно. Мозг мне выедаёт именно он. Если говорит, что ничего не осталось, значит, теперь будет клевать печень.

- Совместишь необходимое с приятным, – воодушевлённо заговорил братец. – Девственная природа, охотничий рай, обеды в десять перемен, румяные селяночки...

– ... мечтающие подцепить неженатого принца, и их нескончаемые мамыши, – включился я в агитационный монолог. – И с ними всеми нужно разговоры разговаривать и улыбки улыбать.

– Веранир, кончай ломаться. Девушка из тебя если и выйдет, то сугубо легкого поведения. И вообще, если ты так не любишь "разговоры разговаривать и улыбки улыбать", – насутился брат, – почему тогда у тебя в постели не выводятся разнообразные дамы приятной наружности?

– Во-первых, выводятся, – возразил я. – К сожалению, чтобы завести туда новую, предыдущую нужно вывести. А во-вторых, Элияр, понимаешь... Не знаю, как это объяснить... В общем, я их туда несколько с другой целью привожу...

– Так. Меня и раньше мало интересовали подробности. А теперь... Если мы выпустим из рук Тойз... Я как представляю, что сделают родители, когда вернутся из...

– ... очередного медового месяца... – снова влез я.

– ... Арухата, где возобновляют договор о дружбе и сотрудничестве, – зыркнул из-под бровей король. – ...Так вообще могу думать лишь о том, как спастись от неизбежного церебрального насилия. Всё, свободен. В смысле, иди работу работай. Солнце ещё высоко, – пробормотав последнее предложение себе под нос, мой брат, король Элияр II Ванорский, с видом "богом быть трудно, но есть такое слово – надо", углубился в государственные бумаги.

День первый

– Эрус Веранир, какая честь для нашего дома...

Нидария Тойз, мать невесты, старательно строила из себя гостеприимную хозяйку. Но удавалось это с большим трудом. Я бы даже сказал – не удавалась. Губы, растянутые в непривычную для них улыбку, так и норовили брезгливо поджаться. Жаба сушёная. Её супруг практически не появлялся в поместье, занимаясь делами в столице. И я его понимаю. Будь у меня такая жена, я бы тоже с головой в работу ушёл. Даже уехал бы. Подальше.

– Хорошо ли доехали?

– Благодарю, мона Нидария, вашими молитвами.

Осень на дворе! Кто же осенью по вашим дорогам хорошо доезжает? Вот если бы мои лошади могли летать... А так, где не рысью, там брасом.

– Присаживайтесь возле камина, я прикажу подать теплого вина, – выжала из себя очередную улыбку хозяйка.

– Буду премного благодарен.

И это чистая правда. Свежо осенними вечерами в Астане...

Просочившись к камину, я получил возможность понаблюдать за игрой в фанты. Молодежь коротала в гостиной долгий вечерок.

Приятная кудрявая шатенка вытянула первый фант, и им

оказалась булавка для галстука.

– Тагард, если я не ошибаюсь, это ваше?

– Не ошибаетесь, эра Кейлинэ. Буду счастлив исполнить любое ваше желание.

Ба, да у нас тут принцесса Кейлинэ. Кейли-Недотрога, младшая дочь Ингарет Прекрасной, ныне правящей королевы Астани. Братец прав, совместим-ка необходимое с приятным.

Кейли была темной лошадкой в табуне венценосных кобылиц. Не замужем, несмотря на солидный для невесты возраст – двадцать четыре года. Вот уже шесть лет как не появляется на официальных мероприятиях. Даже я, при всем богатстве воображении, не могу себе представить скандал, после которого Ингарет, с юных лет известная... э-э-э... легкостью нравов, была бы вынуждена пойти на столь крайние меры. Узнать подноготную ситуации не составляло бы сложности. Просто это было неактуально. Кейли была целиком и полностью исключена из дипломатических сношений и политических интриг. А вот нужно было найти время. Похоже, Тойз входят в её протекторат, раз именно она обеспечивает законность этого расследования.

А Недотрога вполне себе ничего... Не сказать, что красавица, но лицо очень располагающее. К таким прохожие обращаются с вопросом, как пройти к королевскому дворцу, жены приходят пожаловаться на гулящих мужей, а гулящие мужья – за утешением. Одним словом, идеальная шпионка.

Жаль, не завербуешь. Золотистые прядки завиваются вокруг личика. Живая мимика. Жесты точёные и плавные. Когда разговаривает, чуть касается собеседника – запястье, кисть, плечо, карман жилета на груди. Тот, кто назвал её Недотрогой, обладал изрядным чувством юмора. Фигурка такая... приятная. Есть, за что подержаться, и ничего лишнего. Я бы тоже с удовольствием дал ей потрогать... что-нибудь...

– Я знаю, что вы недавно вернулись из посольства в Флоре, – звучал её мелодичный голос. – Говорят, там возник какой-то конфликт? Очень бы хотелось услышать обо всем из первых уст.

Хм, что тут скажешь: то, что эра не участвует в политических играх, ещё не означает, что ей о них ничего не известно.

– Да, там сложилась непростая ситуация, – Тагард Карэда, счастливый жених, по совместительству – национальный герой, которому, возможно, удастся бескровно и почти бесплатно решить одну из важнейших стратегических задач экономики нашего государства, распушил хвост.

Как бы ему потоньше намекнуть, что петух с парой ярких перьев в заднице ещё не павлин?

Если описывать монира Тагарда двумя словами, то это офицер и джентльмен. В смысле, дебошир и бабник. Потомок древнего, но обедневшего рода. Не без усилий Тагарда, кстати сказать.

– Вы не представляете, эра, наше посольство обвинили в шпионаже! – продолжил он.

А что ещё оставалось местному правительству? Представители посольства вдруг начали прилюдно обсуждать факты, которые были известны крайне ограниченному числу лиц. Особо приближенных к трону Флаоры. Послы, вашу мать! Мало вас эта самая мать порола в детстве.

– Это же смешно! – негодовал Тагард.

Это тебе смешно. А вот моему информатору было совсем не до смеха, когда он петлял по улицам, уходя от преследования флаорских ищек.

– Мы оказались в полной изоляции: ни балов, ни раутов, ни приемов. Местной знати было строго запрещено поддерживать с нами отношения. Да что там: нам вообще запретили покидать территорию резиденции. Месяц тоски и вынужденного безделья. А сколько всего полезного можно было бы сделать за это время!

Да уж. Сколько бутылок вина выпить, сколько борделей посетить, опиумных притонов почтить своим неувменяемым присутствием...

– И чем же закончилось дело? – доброжелательно поинтересовалась эра.

– Мы много работали над урегулированием ситуации, – с чувством собственной значимости ответил Тагард. – Официальных извинений, правда, так и не дождались, но обвинения были сняты.

Герои! Трудяги! И мы чуть-чуть подсобили. Так, выдвинули встречные обвинения – мелочь, конечно. Пришлось

срочно обнаружить в родном государстве флаорского шпиона. "Обнаруживать" было жалко. Целых два года ему дезу сливали. Но чем ни пожертвуешь ради общего блага...

– Простите, принцесса, большего рассказать не могу, – важно завершил жених. – Сами понимаете, государственная тайна. Теперь моя очередь тянуть фант?

Тагард вытянул колечко, которое было опознано как принадлежащее Равелиссе Ларти. Единственным ликвидным активом, доставшимся монире от непоследних по происхождению родителей, являлась яркая внешность. Которую мона и монетезировала с завидной эффективностью. Направо и налево. А так же вперед и назад. Что скрывать – по собственному опыту знаю.

Тагард старательно изобразил мыслительную деятельность и озвучил свое задание:

– Равелисса, скажите, а какая у вас самая заветная мечта? Лисса похлопала ресничками и смущенно ответила:

– О чём же еще может мечтать девушка? Выйти замуж за благородного монира.

И впрямь, раз уж мечтать, так о несбыточном...

Следующим фантом оказалась запонка Грэйди Ровинье-ра. Грэйди – славный малый. Хотя какой же он малый? Палеца на четыре выше меня и примерно на столько же лет старше. Несмотря на то, что мы являлись подданными разных государств, время от времени мы пересекались на официальных мероприятиях. Он достиг больших успехов в армии

Астани и устойчивого положения при дворе. Которое стало практически незыблемым после того, как внезапно, вместе со всей семьей, скончался его дядя, владевший соседним с Тойзми поместьем.

Равелисса томно взглянула на него сквозь ресницы и мурлыкающим голосом спросила:

– Грэйди, расскажите, а какой должна быть избранница благородного монира?

Тот хмыкнул:

– А мне-то откуда знать?

– Грэ-эйди, ну, не упрямитесь. Кому бы вы предложили руку и сердце?

– Однозначно женщине.

– Я же серьёзно спрашиваю, – Равелисса надула губки.

– А я серьёзно отвечаю. В том, что она должна быть женщиной, я совершенно уверен. А на счёт остального – пока нет. Скажем так, – он вновь хмыкнул, глядя куда-то себе под ноги, – пока я не встречал такой, с которой захотел бы связать свою, надеюсь, ещё долгую жизнь.

С этими словами он потянулся за следующим фантом, развернул бумажку, обнаружил в ней сережку и изобразил на лице озарение:

– О, вот кто нам ответит, какой должна быть мона, чтобы ей предложили стать женой! Ну, же, мона Ливиния, откройте нам тайну, – произнес он с интонацией "Скажи, деточка, как тебя зовут, и дядя даст конфетку".

Ливиния Тойз, совсем юная девушка – первый год на ярмарке невест – вспыхнула не то от негодования, не то от смущения, но воспитанно смолчала, опустив глаза. Да, невеста вполне себе ничего для дебютантки. Если бы не бледное лицо и тени под глазами. Не иначе как жених спать мешает? Замечательно, консультацию давать не нужно, вычёркиваем.

– Грэйди, ваш вопрос бестактен, – вмешалась Недотрога.

– Благодарю вас, эра, но я отвечу. Моя мама, Грэйди, говорит, что для того, чтобы благородный монир предложил руку и сердце, мона должна быть добродетельна и иметь достойное приданое.

Ой! А у мышки Ливи есть зубки! Отвечала она Грэйди, всем своим видом являя образец той самой добродетели и скромности, однако удар достиг своей цели, и Лисса поморщилась..

Тем временем Ливиния вынула очередной фант.

– Руден, это ваше?

Так вот кто сидит ко мне спиной! Хотя логично. Куда же Тагард без Красавчика Рудди? Руден Глок был гол, как голова грифа. Да и благородством кровей похвастаться не мог. Но ни одна светская вечеринка без него не обходилась. Откуда же срЕдства? От друга, вестимо. Никто не потратит ваши деньги так, как Красавчик Рудди – изящно, непринужденно и без малейших угрызений совести. В настоящее время эта рыба-прилипала паразитировала на тельце нашего жениха. Точнее, не нашего. И возможно, уже не жениха.

– Вы тоже были в Флаоре? – обратилась Ливиния к другу своего жениха. – И что вам там понравилось больше всего?

– Больше всего мне там понравились девушки, Ливи.

– Рудди, вопрос был "что понравилось", а не "кто", – посмеиваясь, заметил Тагард.

– Нет, я, конечно, могу уточнить и "что", но боюсь, это будет еще бестактнее, чем вопрос Грэйди, – и обращаясь к принцессе: – Эра, остался только ваш фант. А давайте, для разнообразия, вы нам споете?

– Руден, даже и не знаю, чего в вашем желании больше: садизма или мазохизма, – мягко улыбнулась принцесса. – Но это извращение не для слабонервных.

– Вы так ужасно поёте? – догадался Руден.

– Зато принцесса известна своими стихотворными экспромтами, – пришёл на помощь Грэйди.

– Хорошо, тогда давайте какой-нибудь экспромт, – мило-стиво согласился Рудди.

– Как пожелаете, – принцесса на минуту замолчала, а потом с хитренькой улыбочкой произнесла:

*Чирикают птички, слетаясь проворно
Склевать так призывно лежащие зёрна.
А рядом сидит, умывается котик,
Пушистые лапки и мягкий животик.
"Куда торопиться?" – мурлыкает кот, -
Из лапок пушистых никто не уйдет".*

И, обернувшись ко мне, продолжила:

– Добрый вечер, эрус Веранир! Добро пожаловать на нашу гостеприимную землю.

Двойка мне за конспирацию!

Я подошел, поцеловал принцессе руку и поприветствовал остальных.

– Эра Кейлинэ, вы порочите мое светлое имя! Мой животик совсем не мягкий.

Вот и посмотрим, что ответит Недотрога. Если что-то вроде "Простите, не было возможности проверить", то можно сразу приступить к активным действиям насчет "потрогать". А если изобразит возмущение, то придется проводить осаду по всем правилам.

– Ах, это уже мелочи, эрус. Главное, что в остальном возражений нет, – отмахнулась Кейли. О как! Но тут же продолжила: – Нам, наверное, нужно обсудить последующие действия, не так ли? Мы могли бы уединиться у того же камина, например.

Вот и ладненько, значит, силы можно будет поберечь.

Мы переместились к огню, обновив бокалы с напитками.

– Думаю, сегодня вам лучше отдохнуть с дороги. Можно начать завтра, – заботливо предложила принцесса.

Она что, всерьёз? Кто же приглашает обсудить деловые вопросы, чтобы обсуждать деловые вопросы?!

– Но имейте в виду, – продолжила она. – У меня здесь есть и другие дела. Сами понимаете, я не часто бываю в сво-

их протекторатах. Грех не воспользоваться возможностью решить накопившиеся вопросы. Поэтому предлагаю назначить наши встречи с участниками событий на послеобеденное время. Вас устроит?

Взгляд принцессы не соответствовал её деловому тону. Он словно ласкал моё лицо, иногда обегая тело, с несомненным восхищением. Я бы даже сказал, что Недотрога поедала меня взглядом, как любимое пирожное. Мысль мне понравилась.

– Согласен с вами.

– Я настаиваю, чтобы все обсуждения, которые имеют отношение к этому делу, велись только в моём присутствии.

Нет, такое откровенное внимание, несомненно, приятно, но и капелька сопротивления бы не повредила. Для разогрева.

– И вы, в свою очередь, обещаете не действовать в одиночку? – уточнил я.

– Разумеется. Я же понимаю, что это Дело Чести. Начнём с обвиняемого и обвинителя?

– Лучше с обвинителя и обвиняемого.

– Можно и в таком порядке. Удачного вечера, эрус Вера-нир, – она улыбнулась, и в уголках её красиво очерченных губ появились ямочки, сообщавшие, что улыбается Кейлинэ часто.

...И больше за весь вечер Недотрога на меня ни разу не взглянула.

День второй

Эра Кейлинэ, как и грозились, с утра занималась делами. Или чем-то другим. Но в поместье Тойзов её видно не было. Я использовал свободное время, чтобы выспаться и познакомиться с предметом, из-за которого поднялся весь шум. Широко известная в узких кругах истинно верующих, как они себя называли, Чаша Гемора представляла собой небольшой кубок, отделанный драгоценными камнями. Стоимость материалов на пару порядков уступала антикварной ценности посуды, а в качестве предмета культа она стоила и вовсе бешеных денег. Желание украсть такую вещь было бы понятно, когда бы не столь глупое исполнение.

На обеде принцесса так и не появилась. Она влетела в комнату, которую нам выделили для бесед с фигурантами, секунда в секунду в оговоренное время. Поздоровавшись, эра устроилась в кресле рядом, открыла изящно оформленную книжку для записей и выжидательно на меня взглянула. Значит, начинаю я.

Нидария, хозяйка имения, нервно крутила в руках деревянные четки и что-то бормотала под нос. Осознав, что внимания от неё не дожидаться, я откашлялся и обратился:

– Глубокоуважаемая мона Нидария, не могли бы поведать, в связи с чем вы выдвинули обвинения в краже Чаши Геймора против монира Тагарда Карэдаса, подданного Ва-

норы?

— А вы как думаете? — взгляд мониры живо напомнил моего учителя флаорского языка. А больше идиотом меня никто не считал. — В связи с тем, что он попытался украсть Чашу Геймора, разумеется. Молодежь растеряла последние крохи благочестия, и Светлые боги это так не оставят!..

Экак у неё в голове тараканами натоптано...

— Прошу меня извинить, — прервал я очень важный и высоко духовной монолог. — Но не могли бы вы рассказать нам с принцессой, как всё происходило?

— Этот Тагард не понравился мне с самого начала — вертихвост и вертопрах, — осудила будущего зятя Жаба. — Кичится своим происхождением, а на деле невежда из невежд. Но муж мой дал свое согласие на брак, и я вынуждена была принять его решение. Я хотела умиловить богов к судьбе этого союза и настояла на том, чтобы мы съездили в храм. Нас было шестеро: я, моя дочь Ливи, её подруга Равелисса, наш сосед монир Грэйди, жених и его приятель монир Рудден.

— И слуги? — уточнил я на всякий случай.

— Нет, мы ехали без слуг. Холопам нечего делать в светлом храме, — отрезала Нидария. — Сначала мы вознесли общую молитву и испили освященное вино из Чаши. После этого молодежь осталась в прихрамовом домике для путников. Чаша вместе с футляром осталась там же, а я ушла молиться. Когда я вернулась, в домике была только Равелисса.

Потом появился монир Рудди – приятель Тагарда – с дровами. Меня беспокоило отсутствие дочери, и молодые люди отправились её искать. Через какое-то время вернулся Тагард. Всё утро он кидался на других, а здесь пришел довольный, с улыбкой до ушей. А буквально после него вошла моя растрепанная дочь. Вы представляете, на какое святотатство этот проходимец толкнул мою Ливи? Я увела её и объяснила, как недопустимо она себя ведет. И представьте себе, она мне солгала! – возмутилась Жаба и поджала губы куриной... ну, тем, что под гузкой. – Раньше моя скромная девочка честно признавала свою вину, принимала наказание и жила дальше с чистой душой. Этот безбожник толкнул её на пагубный путь лжи и порока!

Я взглянул на Недотрогу с выражением "нам только проповедей тут не хватало!". По её лицу легко прочиталось "да вы не иначе как безбожник, эрус!", после чего она поспешила отвернуться. Поздно! Я успел заметить подрагивающие уголки её губ.

– Итак, ваша дочь вас обманула. А в чем именно? – уточнил я.

– Она сказала, что гуляла одна, а с женихом даже не разговаривала.

– Так, может, она сказала правду? – вмешалась Кейли.

– Вы бы видели довольное лицо этого негодяя! Он весь лучился сытостью, как кот, украдкой слакавший крынку сметаны. И вот пока я пыталась образумить свою заблудшую дочь,

этот негодяй и украл Чашу.

– Вы видели это своими глазами? – спросил я.

– Нет, разумеется, но умному человеку, чтобы сложить два и два, записывать цифры в столбик не требуется.

И снова этот взгляд "вот подрастешь, тогда возможно и таблицу умножения выучишь". Недотрога опять стремительно опустила глаза в свою книжку, пряча улыбку. Что она там строчит, интересно?

– Вы обнаружила пропажу Чаши сразу? – вернулся я к теме разговора.

– Да. Как только приехала домой и стала разбирать вещи.

– Я правильно понял, что вы не проверяли Чашу с момента, как оставили её в домике для путников при храме, до того момента, как открыли футляр дома?

– Разумеется. Зачем бы мне это потребовалось? – высокомерно фыркнула хозяйка поместья.

– То есть на самом деле Чашу из домика мог взять кто угодно?

– Да кому она ещё нужна?! – возмутилась Нидария.

– Вам, например, – глубоко вздохнув, отметила Недотрога.

– Это да, это конечно, – закивала Жаба. – Но нашли-то её именно у подлого Тагарда! – проткнула она воздух корявым пальцем.

– А вдруг её просто подбросили к нему в комнату? – поддержал я принцессу, раз уж она вызвалась мне помочь.

– Вдруг бывает только неприличный звук, принц, – с видом классной дамы, возразила обвинительница. – Конечно, вы хотите выгородить этого негодяя и вора, чтобы не позорить свою державу. Но я вам не позволю, вы слышите, не позволю скрыть это преступление! – подскочила она.

– Мона Нидария, мы искренне сочувствуем вам и разделяем ваше возмущение. – Недотрога мягко, но настойчиво выпроваживала Сушёную Жабу за пределы комнаты.

Эмоции били ключом. Чтобы такое разбить?

– Смею вас заверить, что приложу все возможные усилия, чтобы справедливость восторжествовала, – продолжала увещевания Недотрога. – Мы глубоко благодарны вам за оказанную помощь...

За дверью слышались затихающие голоса и шаги, а маленькая книжечка в кожаном переплете лежала на кресле и требовала к себе внимания. Разве я мог ей отказать? Было страшно любопытно, что именно записала эра. Сам я не делаю записей допросов, нас с детства учили развивать свою память. К тому же записи выдают ход мыслей. Я перевернул книжку страничками вверх и увидел написанное немного корявым подчерком:

*"Того, кто достиг
Совершенства, труден путь:
Сброд под ногами
шатается и небо
за корону цепляет"*

Ню-ню. А ведь как правдоподобно изображала понимание и сочувствие!..

...Вернулась Недотрога вместе с обвиняемым.

– Тагард, расскажите нам, что тут происходит, – начал я, когда все расселись.

– Эрус Веранир, эра Кейлинэ, для меня большая честь находится здесь сейчас, – пафосно начал тот. – К сожалению, эта встреча вызвана пренеприятными обстоятельствами – в доме моей невесты меня несправедливо обвинили в краже. Я уверен, что вы найдете возможность доказать мою невиновность.

– Что именно произошло, и почему обвинения пали на вас? – продолжил я допрос.

– Нидария по какой-то причине категорически против свадьбы. К счастью, монир Тойз перед отъездом в столицу успел благословить брак. Так она решила пойти другим путем: подставила меня. Обстряпала всё так, будто бы я украл у неё какой-то там кубок.

– Это вы про Чашу Геймора? – полюбопытствовала Недотрога.

– Вот-вот, я даже запомнить его названия не могу. Зачем мне его воровать? Тем более рано или поздно он всё равно достанется мне. Ливи – единственная наследница.

– А может, деньги вам нужны прямо сейчас? – предположил я.

– И что, эта штуковина много стоит? – ответил он вопросом.

– Не знаю, сколько точно, но сумма приближается к сотне тысяч.

В глазах Тагарда зажёгся алчный огонь.

– Ну хоть понятно, из-за чего эта старая карга подняла такой хай, – буркнул он.

– Монир Тагард, будьте любезны вежливо отзываться о хозяйке дома, в котором вы гостите, – менторским тоном вступилась за Сушеную Жабу Кейлинэ. – И вопрос не в деньгах, для людей верующих эта реликвия просто бесценна.

– Это вы про религиозных фанатиков? Да все проблемы из-за этой вашей религии! – понесло Карэдаса. – Не поехала бы эта... благородная мона, чтобы получить "благословение богов", – на последних словах он скорчил презрительную мину, – не было бы всех этих разборок! Хабалка! Без году неделя как эта семейка купила себе билет в высший свет! Да она в ногах у меня должна валяться за то, – он подскочил со стула, размахивая руками, – что настоящий дворянин снизошел до их доченьки, а она оскорблять меня смеет!

– Слово-то какое нашли – "хабалка". Оно точно приличное? – ледяным тоном отбрила Недотрога. – Просто удивительно, откуда его знает настоящий дворянин?

Да, такую лучше лишний раз *не трогать*, безопаснее как-

то.

– Не думал, принцесса, что вы встанете на сторону этих нуворишей! – возмутился мой подзащитный.

– А на чью сторону я должна вставать? Они мои подданные, если вы забыли, – тем же королевским тоном продолжила Недотрога. – Более того, мона Нидария – женщина, и она старше вас. Будьте так добры, выражаться в её адрес как положено воспитанному человеку.

– Тагард, действительно, успокойтесь, – подал голос я. – Ведите себя как мужчина. Я правильно понял, что Нидария воспользовалась Чашей в храме?

– Ну да, – Карэдас сел на место, оправляя сюртук. – Она там что-то завывала, носилась с этим кубком как курица с яйцом: то поставит, то поднимет, то нальёт, то выльет, то покудах... В смысле, помолится.

– В какой момент обнаружилась пропажа?

– Когда мы вернулись, – он уложил руки на колени. – Как только переоделись и стали спускаться к ужину. Почему-то эта... благородная мона первым делом направила слуг в мою комнату. Те перевернули всё вверх дном и нашли посудину в моих вещах. Ещё бы они не нашли: она же сама её туда и засунула, наверняка сразу слугам сказала, где искать. А погром исключительно из вредности организовала.

– Почему вы думаете, что Чашу в вашу комнату подбросила мона Нидария? – поинтересовалась Кейлинэ.

– А кто еще?! – взвился обвиняемый. – У кого ещё могло

возникнуть желание разрушить наш брак?

– Да у кого угодно, монир Тагард. У кого угодно, – устало произнесла Недотрога.

– Расскажите, что вы делали с того момента, как покинули храм и направились в домик для путников, – попросил я.

– Насколько я помню, как только... – Тагард сделал паузу, будто пытался удержаться от крепкого словца, – мона Нидария вернулась в храм, Ливи выскочила следом. Мы поняли, что ждать придется долго, и решили затопить камин – в домике было очень холодно. Мы втроем отправились за сушиняком.

– Втроем – это вы, Грэйди и Руден? А Равелисса осталась в домике?

– Совершенно верно.

– Что было дальше?

– Дальше был ясный день, последнее осеннее солнышко, я залюбовался красотами природы и немного увлёкся.

Угу, слышали мы уже про эту любовь к природе...

– Когда я вернулся, в домике была только гры... глубокоуважаемая мона Нидария. Потом кто-то ещё приходил-уходил, – продолжил Тагард, явно затрудняясь с ответом. – Точно не помню. Потом Руден сказал, что нужно идти искать дам, потому что уже пора перекусить. Помню, мы ещё посмеялись, что дамы, видимо, есть не хотят, так стоит ли их звать. Еды и на трех взрослых мужиков-то с натяжкой хватало.

– Вы пошли все втроем?

– Нет, вроде как Грэйди остался... Да, точно, он как раз нарезал снесь. Ливи и её мать вернулись с нами, а мона Равелисса сама подошла, пока нас не было. Мы перекусили на скорую руку, поскольку эта... мона на еде сэкономила. Так голодные и вернулись. А потом этот переполох. Так до вечера ничего и не ели. А вы говорите – относиться к ней с уважением! Да какое уважение, если она не в состоянии выполнить элементарных обязанностей хозяйки! – возмущался Тагард, будто это самый страшный грех.

– Благодарю, монир Карэда, сейчас вы можете быть свободны. Если у нас возникнут какие-либо вопросы, мы пригласим вас повторно, – свернул тему я.

Устал я на сегодня от истерик. Поднявшись и показывая, что встреча завершена, я чуть сдвинулся в сторону Недотроги и заглянул в книжечку у неё на коленях. Точно. Новый стишок:

*Иногда под видом чести
Глупо пыжится позёрство,
И под ликом правдолюбца
Маскируется хамло.
Хвастуны под видом смелых,
Болтуны под видом умных.
А внутри – пустое место...
Есть вообще там кто-нибудь?*

Хм, Тагард у неё в любимчиках тоже не ходит. Вообще он какой-то нервный стал... Не сказать, чтобы раньше был образцом добродетели, но теперь с ним вообще нормально общаться невозможно. Хотя, с другой стороны, и обстановочка располагает... Или, может, он по ночам своей невесте сонеты читает, вместо того, чтобы делом заниматься? Видимо без консультации всё же не обойтись.

– Вы хорошо держались, эрус, – с улыбкой произнесла Недотрога.

– Можно просто Ранир.

– Благодарю. Ранир, что вы обо всём этом думаете? – она чуть склонила голову на бок, показывая, как важно ей мое мнение.

– Я думаю, что либо Тагард абсолютный идиот, либо кто-то потратил изрядно сил, чтобы его подставить, – я неторопливо прохаживался из угла в угол. Ничего не могу поделать с этой дурацкой привычкой.

– Тагард – идиот, – констатировала Кейлинэ.

– Но не абсолютный.

– Я пока на этот счет не определилась, – возразила Недотрога. – Вообще не могу понять, что Нидария и ваш Тагард не поделили? Это же два сапога пара.

– Потому что на левую ногу. И вообще: ничто не раздражает в другом так, как собственные недостатки.

– Умно. Сами догадались или подсказал кто?

Вот это только что был комплимент или сарказм?

– Когда будете цитировать, можете ссылаться на меня.

Итак, что мы имеем? Чашу украли в домике путников. Если только Нидария не сделала это уже дома.

– Вы подозреваете её?

– Вообще, я подозреваю всех. Я, знаете, по природе своей очень подозрительный человек, – признался я.

– Всех-всех? И меня тоже? – Кейлинэ приподняла бровь.

– А у вас есть алиби? – Я сурово свел брови. Я злой и страшный Серый Волк.

– Разумеется. Меня же здесь не было, – вразумляюще ответила принцесса, накручивая локон на пальчик. Скорее неосознанно, чем провоцирующе.

– А кто может это подтвердить? – тоном въедливого дознавателя спросил я.

Недотрога только хмыкнула в ответ.

– Итак, всё сводится к вопросам, кто мог совершить кражу, и у кого для этого был подходящий мотив. Пока у нас четыре кандидатуры, у которых была возможность незаметно взять Чашу, – продолжил по ходу... – или на ходу? – рассуждать я.

– Тагард, Нидария, Равелисса, Грэйди, – откликнулась Недотрога.

– Угу. Это те, про кого мы знаем. А кому это могло быть нужно?

– Да кому угодно, как я уже говорила, – пожала плечами

принцесса.

– Ну, с Нидарией всё понятно. Тагарда тоже как-то при-
тянуть можно, хоть и за уши. Простите, в смысле, с трудом.
А какие мотивы могут быть у Равелиссы и Грэйди?

– О, эти подколодные – простите, сердечные – подруги
иногда такие выдумщицы, когда то, чего они хотят, достает-
ся другой.

– Это вы про Тагарда? – удивился я.

– Нет, это я про свадьбу. Хотя, возможно и про Тагарда.
Пока не знаю.

– Хорошо. А Грейди?

– Не знаю. Может, ему захотелось присоединить к своим
землям этот лакомый кусочек, – глядя в окно, предположила
Недотрога.

– На Грэйди это непохоже. Насколько я его знаю.

– Да, на того Грэйди, которого знала я, это непохоже. Но
люди иногда меняются, эрус. – Недотрога оторвала взгляд от
осеннего пейзажа за окном, вернув его мне. – Особенно, ко-
гда к ним приходят деньги. Много денег. Я не утверждаю,
что он изменился, но ведь *мог* измениться, согласны? Вооб-
ще, всё это дело как-то дурно пахнет, – сморщила она нос. –
Мне не понравилось всё, что я здесь вчера увидела. Мне не
понравилось всё, что я здесь сегодня слышала. Если честно,
мне в принципе в этом браке что-то не нравится...

– Мне в браке вообще ничего не нравится, – поделился я.

– А с чего бы вам что-то нравилось в браке? – хмыкнула

принцесса. В её чайных глазах мелькали отблески последнего осеннего солнца. – Мы с вами и наши матримониальные отношения – разменная монета в политических играх.

– Ну зачем же так, принцесса. В нашей семье принято вступать в брак по любви, – возразил я.

– О да! Но желательно, чтобы это была любовь к венценосной особе, – в словах Недотроги слышалась не то горечь, не то сарказм.

– Вы не верите в любовь к венценосным особам?

– Я верю в любовь. Но боюсь, что к моему браку она не будет иметь никакого отношения.

– А как же надежда?

Я подошел к ней, опустил на колени и изобразил самую трогательную из своих мин. Вот он, подходящий момент: момент откровения, единения, сочувствия. Я остановил свой взгляд на её губах, затем чуть потянулся вперед и закрыл глаза...

– Эрус Веранир, вы со мной заигрываете, или мне показалось?

Голос Недотроги прозвучал как-то неожиданно... Ну что ей еще надо?

– Я вам не нравлюсь, Кейли?

Глаза мне пришлось открыть.

Недотрога улыбнулась:

– Вы себя в зеркале видели, Ранир? У меня тоже глаза есть. Конечно, вы мне нравитесь. Вы очень красивы...

Да, я такой.

– ...В вас чувствуется ум, сила и уверенность в себе...

Да-да-да, продолжайте...

– ...Вашим телом можно любоваться бесконечно...

Не могу спорить с очевидным...

– ... Вы – безупречный, смертоносный хищник, который точно знает, чего хочет, и точно знает, как это взять, – она сделала паузу. – Но я не люблю чувствовать себя дичью. Простите, – развела она руками. И в её взгляде не было ничего, кроме сожаления.

Хм. Мне только что отказали. МНЕ. ОТКАЗАЛИ?

Причем отказали так, что и возразить нечего.

Я бродил по дому, обдумывая наш разговор. Вроде и слова все красивые. Но почему же я чувствую себя как оплётённый?..

– Скучаете, Ранир?

Я настолько углубился в свои мысли, что не заметил, как подошла Равелисса.

– Разве я могу скучать в вашем обществе, Лисса?

– Ах, как мне хватает здесь воспитанных кавалеров, Ранир... – не без намека прошелестела Равелисса, поглядывая на меня взглядом "некому березу заломати"...

Нет, конечно, не дело березке одной гнуться и качаться. Или это уже про рябину? С другой стороны – что березка, что рябина – какая в пень разница? И загнём, и покачаем!

Раз уж принцессы нами брезгуют...

...— И вот теперь мне нужно думать, что подарить этой козе на день рождения...

Почему женщине хочется поговорить именно в тот момент, когда мужчине больше всего хочется спать? Ошейник, блин, ей подари! И верёвку с колышком.

— Угу.

— Понимаешь, ей же нужно такое... Ну, она рубины любит, топазы...

А что, ошейник с топазами: и гламурненько, и в цвет глаз.

— Угу.

— И если я не смогу решить эту проблему, то буду вынуждена вновь несколько месяцев прозябать в какой-нибудь провинции. А как благородная мона может найти себе в провинции подходящего жениха?..

Нищие на паперти просто удавились бы за такой талант. И вроде не просит, а отказать невозможно.

— Милая, разве можно допустить, чтобы высший свет Астани лишился прелестнейшей моны из-за такого нелепого недоразумения? — Я даже заговорил. Лишь бы она заткнулась. — К сожалению, я не смогу помочь в выборе — знаешь, для мужчины это всегда проблема, но, возможно, дополнительные средства облегчили бы решение вопроса?..

— Ах, Ранир, мне так неловко, — Лиса мягко провела пальцем по моей груди, заглядывая в глаза. — Но ты знаешь, стыд-

но признаться, это действительно поможет. Если я смогу купить подходящий подарок... Да, отсутствие новых туалетов за спиной обсосут, не без этого, но, главное, я буду вновь допущена в высшее общество!

А, еще "девушке на чулочки" нужно. М-да... Не так я вас любил, как обошлись вы...

– Разве я могу допустить, чтобы такая милая мона страдала от злых языков? Умоляю, купите бальный наряд в память о нашей незабываемой ночи. Мне будет приятно, если хоть изредка он будет напоминать обо мне...

Может, стоило отказаться от "маленьких радостей жизни"... И радости от них совсем мало, – старею, видимо, – и накладно. Даром, как известно, всегда обходится дороже...

День третий

После ухода Равелиссы мне всё-таки удалось отправиться в вожаделенную страну снов. И разоспался я настолько, что пропустил обед. Братик заклеил бы меня почётным званием "аристократ", допусти я такое дома. Мы сидели в столовой вдвоём. Кейли обед тоже пропустила, но, видимо, совсем по другой причине. Вчера, взвесив все «за» и «против», я решил делать вид, что ничего не произошло. Судя по доброжелательному приветствию, Недотрога пришла к аналогичным выводам. Вот ещё бы Лисса рассуждала в том же ключе...

Почему-то не хотелось, чтобы Кейли узнала о моих ночных похождениях. Разумеется, это сугубо моё дело, с кем, когда и как спать. Или не спать. Но в свете всего происшедшего в собственных глазах я как-то особенно явственно выглядел отморожком. Кем бы я выглядел в глазах Недотроги, даже представить сложно. Но легитимной лексикой это, видимо, не опишешь.

Мы встречались с очевидцами в той же комнате. На тех же стоящих неподалеку друг от друга, креслах. Кейли – с книжечкой, я – с воспалённым любопытством, что она туда напишет в следующий раз.

Первым на сегодня шёл Грэйди. Он уже сидел на «допросном» стуле, когда мы с принцессой вошли. Я не верил, что он

имеет хоть какое-то отношение к краже. Но, как говорится, дружба – дружбой, а следственно-розыскные мероприятия – по расписанию.

Пока я занимался самоанализом, Недотрога уже вбросила первый шар:

– Грэй, объясни мне, что *ты* делаешь в этом балагане с ряжеными?

– Видимо, балаганю, принцесса, – Грэйди отвесил шутовской поклон в её сторону.

– Это я вижу. Я не понимаю – зачем?

– От скуки, – пожал плечами Аснец. – В этой трясине с дождевыми червями дружбу начнёшь водить, не то что с Тойзми.

– С дождевыми червями-то я ещё могу смириться, – не удержался я. – Но мона Нидария выше моего понимания.

– Это от молодости, – подмигнул мне Грэйди. – И недостатка свободного времени, – и обращаясь к Недотроге: – Я развлекаюсь, принцесса. Лично мне очень любопытно, чем кончится этот, как ты выразилась, балаган.

"Ты"? Не слишком ли фамильярное обращение к принцессе? И она никак не отреагировала... Может, отсюда и растут уши Недотрогиной неприступности? Я повнимательней пригляделся к этой парочке. Грейди смотрел на принцессу с некоторой долей вызова, а она... А она устало откинула голову на подголовник кресла и глядела вверх.

– Грейди, что плохого тебе сделала Ливи? – спросила Кей-

линэ у потолка. – Она, конечно, наивная дурочка. Но этот недостаток не заслуживает такого явного пренебрежения с твоей стороны.

– Она не дурочка, – ответил Грейди полу и повернулся ко мне: – Ранир, давай уже перейдем к официальной части нашей встречи. Меня ждет поверенный, я и так застрял в этом доме на время следствия. Хотелось бы поскорее освободиться.

– Что происходило в день похищения? – кивнул я.

Действительно, мы же собрались не погоду обсуждать. И домашних животных.

– С утра мы поехали в Храм Светлых богов. – Взгляд астанинца стал сосредоточенным. – Нидария жаждала получить знак, который бы дал ей возможность отказать Тагарду.

– А почему Нидария так сильно не хочет видеть Тагарда своим зятем? – уточнила Недотрога.

– Не для распространения, – снизил голос Грэй, – но мир Тойз говорил, что последние пару лет он серьезно болеет...

– А по законам Астани его законным наследником будет являться ближайший родственник-мужчина, то есть зять, – закончил за него я. – Да, у Нидарии есть повод побороться за своё светлое будущее. И я могу её понять.

– Я же говорил, подрастешь – поймёшь, – назидательно заметил Грейди, и я с трудом удержался от тычка приятелю. – Тагард не утруждает себя даже созданием видимости

доброжелательных отношений.

– А почему же тогда Тойз согласился на этот брак? – лицо Недотроги выражало недоумение и подозрительность.

– Как пожаловался мне сосед перед отъездом в столицу, Ливи сама попросила его об этом, – с легкой брезгливостью на лице ответил Ровиньер. – Он чувствует вину перед дочерью, поскольку бросил её один на один с матерью. Поэтому не смог отказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.